

«Послушный мальчик. Но с характером»

Премьер Королевского балета Ковент-Гарден Вячеслав Самодуров однажды взял да и уехал на Урал, в Екатеринбургский оперный

Ирина КЛЕПИКОВА

Благодаря Самодурову в год 100-летия уральского балета можно говорить не только о его славно истории, но и амбициозных перспективах. Он сделал наш балет явлением в театральной России. Однако сам говорит об этом был не склонен. То и дело порывался в класс, на репетицию. Односложные ответы объяснял: «Извините. Премьера. Коплю силы». Почти не обещал поискать дома фотографии детства и юности: «Когда?..». Он был явно не здесь, а где-то со своей приближающейся премьерой, о чём из суверенно говорить не принято. И тогда я рискнула начать разговор вовсе не с балета.

— Наслышана, что вы всерьёз увлечены наукой. Значит ли это, что могло не быть хореографа Вячеслава Самодурова?

— Нет, наука — только хобби. Правда, достаточно серьёзно. Наука ведь определяет мировоззрение человека. Чем больше мы знаем — тем точнее понимаем, как функционирует мир, каково наше место в нём. Это всегда интересно.

Выражается ли это в хореографии? Сам себе задаю этот вопрос. Думаю: на каком-то уровне — да. Хореограф воспринимает жизнь в динамике. А наука — она как раз о динамике: мир вечно и постоянно изменяется. Быстро или медленно.

— Интересно, как конкретно вы погружаетесь в пространство науки?

— Методом научного тыка. Читаю научные публикации. Плюс Интернет. Плюс литература. Но — в свободное от балета время.

— Значит, мир не потерял бы вас как хореографа?

— Но опасность такая существовала. У меня было другое увлечение — фотография. Это было даже серьёзнее. Увлечение не прошло, просто на фотографии сейчас нет времени. Балет — вне конкуренции.

— В рубрике «Персона» мы рассказываем о людях успешных, состоявшихся. Стало быть — правильно нашедших свою «точку опоры». В какой момент это случилось с вами? Это девочки «горшка» мечтают о балете, а...

— ...а меня в балет привели за руку. До этого я занимался фигурным катанием. В ЦСКА. Нравилось. Но занимался я неуспешно. Поскольку отец у меня военный, его перевели в Петербург. И уже там меня отвели в балетную школу. В Вагановскую.

— А вы говорили «Не хочу»?

— Нет, я был очень послушный. Без протестов.

— Стоп! А если бы отвели в математическую школу?

— Для этого я достаточно рассеянный человек.

— Вернёмся к обретению «точки опоры». Это случилось всё-таки...

— Наверное, в школе. Через театр. Театр мне всегда нравился. Учениками Вагановской академии балета мы постоянно были заняты в спектаклях Мариинки. Мне очень нравилось, как ставят свет, как опускаются и поднимаются декорации. А ещё — большое количество помещений в театре, особенно под сценой. Почти лабиринт. Всё это имело свою магию. В конечном счёте — и сказала.

«Он протестовал». Самодурова называли танцовщиком экстремальных состояний. Но сегодня, чтобы создавать эти стильные и экспрессивные балеты, ему нужны иногда эти мгновения тишины

И чем больше у человека в профессии таких поворотных моментов, тем большего он достигает.

— Ну в вашей-то карьере поворотных моментов было немало. От сольных партий в Мариинке до положенных премьер в Королевском балете Ковент-Гарден. От принцев «Золушке» и «Щелкунчике» до Вронского, драматической партии в балете «Юноша и Смерть»...

— Знаете, я вообще не обсуждал бы балет в сфере образов. Вот это русское. Русские танцуют образы. А предназначение артиста — танцевать прежде всего хореографию, музыку. Гершензон, писатель и переводчик, сказал однажды: «Пошлость — искать в балете сюжет, то есть то, чего там по природе балетной и быть не должно». Конечно, есть и сюжетные балеты, но образ должен выражаться через хореографию, а не через «бровки домиком». Это мой убеждение. И оно касается разных балетных школ. Их, кстати, не так много, как об этом традиционно пишут, сочиняя некую школу у каждого выдающегося танцовщика или хореографа.

Школ на самом деле три — наша, Вагановская, французская и школа Нью-Йорк-сити балет (школа Балачина).

Я был воспитан Вагановской академией, перед глазами — Мариинский театр. Это сформировало во мне типичное представление, как должен выглядеть русский танцовщик. Но в конце 1990-х, когда я работал в Мариинке, в театр пришло много другой, новой хореографии — Ролан Пети, Джордж Балачин, Алексей Ратманский. Это было очень интересно и подтолкнуло меня искать большего. Тогда я и уехал в Амстердам, в Национальный балет Нидерландов — театр, который известен разнообразным репертуаром и высоким качеством труппы.

— Уехали на Запад. Были успешны. Большинство людей в такой ситуации «там» и остаются. Поскольку «там» элементарно жить комфортно. А вы делаете ещё один неожиданный пируэт. Приезжаете работать на Урал, в Екатеринбург. Нет, вы не кажетесь «послушным мальчиком».

— Я послушный. Но с характером. Екатеринбургский театр предоставил уникальную возможность возглавить труппу, что для хореографа — подарок судьбы. Подобно тому как артисты, выходя раз за разом на сцену, шлифуют своё мастерство, хореограф — через репетиции, от спектакля к спектаклю — ограняет себя. Но возможность постоянно работать с артистами, пробовать, смотреть, что удачно, что неудачно — такой шанс мало кому выпадает. Драма профессии. Это раньше хореограф мог создавать балет годами. Сейчас если у вас есть три месяца на создание трёхактного балета, вы — счастливый человек. На «Ромео и Джульетту» в Антверпене (преьера только что состоялась) в общей сложности у меня было два месяца репетиционного периода. И то сказали: радуйся!

— Первое впечатление от екатеринбургской труппы помните? Это же был и

сейчас, когда рождается немало современных балетов... Но как-то существуем. Как-то передаём свои идеи. Ассистенты есть. Педагоги.

— Вы третий год в Екатеринбургском оперном. Что ни шаг — то событие. Пластическое переживание «Любовного напитка» Доницетти (кто бы ещё рискнул из любимейшего зрителем оперного сюжета сделать современный балет?!). Балет «Н.О.» на заводе, прямо в цехе, в рамках Биеннале современного искусства... «Dance-платформы», дающие шанс молодым хореографам России и мира поставить что-то с труппой театра... Но спроси провокационно: вам-то «Dance-платформы» зачем? Творцы по определению эгоистичны. А вы на «платформах» взрываете, по сути, конкурентов себе...

— Ну и на это можно посмотреть (улыбается) с эгоистической точки зрения. Впрочем, интересно. Интересно быть создателем, хотя бы даже так — косвенно. Во-вторых, в театре в это время возникает особая творческая атмосфера. В неё погружены все! Когда ставишь сам — охватить работу можешь только часть труппы, а во время «Dance-платформ» хореографы работают индивидуально с большим количеством артистов. И артисты не закованы в цепи одного хореографа. Они имеют возможность понять другие идеи, иную пластику. Это творческий опыт. Очень полезный.

— Несколько лет до вашего приезда театр был любимым в основном как оперный. Балет шёл «вторым номером». Банальный репертуар — «Жизель», «Лебединое», «Шопениана»... В труппе элементарно не хватало кордебалета. Помню, с какой гордостью директор театра сказал однажды: для «сцены теней» в «Баядерке» у нас есть наконец необходимые 24 артиста. Не посещала отчаянная мысль: куда я приехал?

— Ощущение отчаяния бывает у всех людей, что бы они ни делали. Главное — пересказывать эти моменты...

— Из творческих профессий «хореограф» — самая призрачная. Художник создаёт картину. Писатель — текст. Материально, осязаемо. В вашей профессии общезвестны только «пляшущие человечки» Петипа — его система записи балетов. У кого из хореографов ещё его творения зафиксированы на бумаге? Всё передаётся «из рук в руки». Но вот сложнейший ваш «Santus Artisticus». Балет, где много девушек-птиц. У всех разные движения. Как это можно зафиксировать?

— Сегодня хореографию уже можно записывать — есть нотации Лабана, Банеша, графические системы записи движений — в Нидерландах, и в Великобритании — все балеты записываются. Есть даже специальная профессия «хореолог»: люди только тем и занимаются, что записывают балеты.

— Впервее слышу!

— В России этого нет, к сожалению. А надо бы. Тем более

вообще, на тот момент я серьёзно рассматривал фотографию как своё будущее. Что снимал? Балет, архитектуру. В Ковент-Гарден удалось сделать несколько удачных фотографий. Это была студийная съёмка, но — интересная. Я ещё искал свою тему. Не знаю, что бы я снимал сейчас... Как-то так случилось, что практически одновременно я начал ставить балеты. И хореография перевесила. Не оставила времени для фотографии.

— Вернёмся к балету? На нынешнем Национальном театральном фестивале екатеринбургский балет привнёс фурор. Четыре «Золотые маски». Одна из них — ваша персональная как лучшего хореографа. К стати, «маска» у вас дома или...

— В театре. Что мне с ней делать? Что она будет пылиться? Мне важен сам факт, а не предметное его подтверждение.

— На вручении, на фоне многих дежурных благодарностей, которые прозвучали от других, вы сказали вполне конкретную фразу: «С такой труппой можно и дальше делать интересные проекты».

— И это было искренне. Благодаря нынешнему состоянию труппы я нацелился на очень амбициозный проект — балет «Цветоделика». Многие творческие натуры воспринимают окружающий мир цветным. Композиторы часто видят «в цвете» свою музыку. Для меня танец тоже наполнен красками. Попытка подчеркнуть скалярный момент перехода одного цвета в другой и передать магию рождения нового оттенка.

Сложно и просто. Три акта танцев. Интенсивных. Первый акт на музыку Чайковского — реминисценция романтического балета. Во втором, под действием современной музыки Арво Пярта, настроения становятся более радикальными. Музыка третьего акта — концерт для клавесина Франсиса Пуленка. Слушается провокационно и эротично. Посмотрим, что получится. Но, конечно, «Цветоделику» можно ставить только с труппой, которая готова преодолевать себя, потому что танцы сложные, основанные на классике, «на пальцах». В общем, испытание и для меня, и для артистов.

— Слава, эффективность вашего, даже столь недолгого пока, пребывания на Урале заставила некоторых говорить об «опасности» превращения екатеринбургского балета в «театр Самодурова»...

— Не прокомментирую. Время покажет. Но теоретически, если в главе труппы — сильная личность, то это только плюс. Если же — слабый человек, то — горе труппе. В любом случае, если хореограф ещё и руководитель труппы, не надо заполнять собою всё. Нужно оставлять место и для другого перфектуара. Это с одной стороны. С другой: для меня «хореограф» и «художественный руководитель» — не разные ипостаси. Не может так быть: до обеда ты — хореограф, после обеда — худрук. В классе, при постановке танца, на репетиции, две твои ипостаси соединяются как никуда.

— То есть авторского театра в нашем балете не надо бояться?

— Я работал в труппах, вектора развития которых, так сложилось исторически, обозначили отдельные личности. Они — гордость этих театров. Например, Мариинка — это «дом Петипа». Судьбу и стиль национального балета Нидерландов определил Ханс ван Манен. В Ковент-Гарден это — Аштон и Макмиллан. Именно эти балетмейстеры сделали эти театры особыми. Выделили их из большинства других. Создали стиль труппы, который сохранился уже в классике. Они создали мировоззрение своих артистов. Петипа, Аштона, Макмиллана давно уже нет. Но Ханс ван Манен жив-здоров. Регулярно ставит спектакли в Голландском национальном балете. Смотришь на сцену — мурашки по коже. А когда этот человек рядом с тобой — поверьте, это ощущается совсем по-особому. Это некая творческая доминанта. Сила, которая движет театр...

— А могут быть у худрука любимчики?

— (задумывается). Не знаю...

— А у вас есть?

— Я всех люблю.

— А вы из какого типа руководителей? «Делай как я» или «Делай как я сказал»...

— ... (смеётся). Лучше артистов спросите. Но думаю: не без элементов давления с моей стороны. Надеюсь, разумного.

— А увлечение фотографией? Насколько логичным был этот поворот судьбы? Внешне — вроде бы «да». Балет и фотография — искусство визуальное. Равно лишённые «права голоса». У вас было две серьёзные фотовыставки — в Санкт-Петербурге и Лондоне. Название одной — опять же говорящее: «Архитектура тела»...

— Мне хотелось как-то отойти от балета. Я понимал, что заканчиваю танцевать. И

сейчас, когда рождается немало современных балетов... Но как-то существуем. Как-то передаём свои идеи. Ассистенты есть. Педагоги.

— Вы третий год в Екатеринбургском оперном. Что ни шаг — то событие. Пластическое переживание «Любовного напитка» Доницетти (кто бы ещё рискнул из любимейшего зрителем оперного сюжета сделать современный балет?!). Балет «Н.О.» на заводе, прямо в цехе, в рамках Биеннале современного искусства... «Dance-платформы», дающие шанс молодым хореографам России и мира поставить что-то с труппой театра... Но спроси провокационно: вам-то «Dance-платформы» зачем? Творцы по определению эгоистичны. А вы на «платформах» взрываете, по сути, конкурентов себе...

— Ну и на это можно посмотреть (улыбается) с эгоистической точки зрения. Впрочем, интересно. Интересно быть создателем, хотя бы даже так — косвенно. Во-вторых, в театре в это время возникает особая творческая атмосфера. В неё погружены все! Когда ставишь сам — охватить работу можешь только часть труппы, а во время «Dance-платформ» хореографы работают индивидуально с большим количеством артистов. И артисты не закованы в цепи одного хореографа. Они имеют возможность понять другие идеи, иную пластику. Это творческий опыт. Очень полезный.

— Несколько лет до вашего приезда театр был любимым в основном как оперный. Балет шёл «вторым номером». Банальный репертуар — «Жизель», «Лебединое», «Шопениана»... В труппе элементарно не хватало кордебалета. Помню, с какой гордостью директор театра сказал однажды: для «сцены теней» в «Баядерке» у нас есть наконец необходимые 24 артиста. Не посещала отчаянная мысль: куда я приехал?

— Ощущение отчаяния бывает у всех людей, что бы они ни делали. Главное — пересказывать эти моменты...

— Из творческих профессий «хореограф» — самая призрачная. Художник создаёт картину. Писатель — текст. Материально, осязаемо. В вашей профессии общезвестны только «пляшущие человечки» Петипа — его система записи балетов. У кого из хореографов ещё его творения зафиксированы на бумаге? Всё передаётся «из рук в руки». Но вот сложнейший ваш «Santus Artisticus». Балет, где много девушек-птиц. У всех разные движения. Как это можно зафиксировать?

— Сегодня хореографию уже можно записывать — есть нотации Лабана, Банеша, графические системы записи движений — в Нидерландах, и в Великобритании — все балеты записываются. Есть даже специальная профессия «хореолог»: люди только тем и занимаются, что записывают балеты.

— Впервее слышу!

— В России этого нет, к сожалению. А надо бы. Тем более

ДОСЬЕ «ОГ»

Вячеслав Владимирович САМОДУРОВ
Родился 19 мая 1974 году в Таллине. Окончил Академию русского балета им. А.А.Вагановой. Карьера танцовщика началась в 1992 г. в Мариинском театре. С 2000 г. — премьер Национального балета Нидерландов. С 2003 г. — премьер Королевского балета Ковент-Гарден. С 2011 г. — художественный руководитель балета Екатеринбургского театра оперы и балета. Свои первые балеты поставил в 2010 г. — «Минорные сонаты» на музыку Скарлатти (Михайловский театр) и «Trip Trac» (Ковент-Гарден). Лауреат Национальной театральной премии «Золотая маска» (2014 г.).

Хореограф должен уметь не только сочинить танец, но и показать его

Блиц-опрос

— Говорят, вы интеллигент в выборе чтения. Читаете Гессе. А сегодня вечером? — Перестал читать беллетристику. Читаю только научную литературу. А сегодня вечером вообще не до чтения. Мозг занят только придумыванием спектакля.

— Любимое время суток? — Точно — не утро.

— При постоянных переездах есть вещи, которые вы обязательно перевозите с собой? — Я не привязан к вещам. Чем меньше их — тем лучше.

— Предпочтительная скорость? Пешком. На машине. Поезд. Самолёт.

— Люблю много ходить пешком. Но (улыбается) от самолёта тоже не откажусь.

— Любимая и нелюбимая работа по дому? — Любимых работ по дому нет. Разве что... готовить.

— Тогда — вопрос уточняющий: были ли профессиональные ограничения в еде? — Большая трагедия моей жизни! Я люблю поесть. К тому же склонен к полноте. Надо было жёстко следить за диетой.

Интересно: как Вячеслав Самодуров, знающий толк в искусстве фотографии, запечатлел бы сам себя на репетиции?

— Где в Екатеринбурге бываете как зритель? — В Оперном театре. Почти каждый вечер.

— Переходя улицу, перебегайте на «красный свет»? Можете себе такое позволить? — Конечно.

— А на что в жизни есть табу? — Трудно сказать... Глубокий вопрос.

— Стихи в юности писали? — Две строчки (смеётся).

— Место, где вы наиболее адекватны самому себе? — Я везде себя комфортно, уютно чувствую. «Для вида» не напрягаюсь.

— День проходит по принципу «как пойдёт». Или у вас есть ежедневник? — У меня есть компьютер.

— Какую музыку слушаете в машине? — В зависимости от настроения. Я «всеядный».

— Жизненное кредо? — Жизнь — это движение. То, что есть сегодня, рано или поздно закончится. Но! Будет что-то другое...